

Г. А. Сарычев. *Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану*. Государственное издательство географической литературы, М., 1952.

Экспедиция Биллингса и Сарычева на крайний северо-восток Азии и в Русскую Америку (1785—1794) внесла крупный и разносторонний вклад в отечественную и мировую науку. Ей принадлежит первая полная опись Алеутской гряды, побережий материка Америки до острова Каяк, обоих берегов Берингова пролива и островов одноименного моря с весьма обстоятельным описанием физической географии и естественных ресурсов посещенных мест. Кроме того, путешественники сделали ценные этнографические наблюдения и собрали языковые материалы, относящиеся к встреченным народностям.

Публикации результатов работ экспедиции, имеющие примерно полуторастолетнюю давность, давно уже стали библиографической редкостью, и нужно, конечно, приветствовать недавно появившееся под редакцией известного полярного исследователя Н. Н. Зубова их переиздание.

Редакция правомерно объединила в одной книге два отдельно выпущенных труда Сарычева (1802 и 1811), включающие описание его личного путешествия, сухопутного похода Биллингса «через Чукотскую землю» и плавания Галла на Уналашку и в Берингов пролив. Надо отметить подлинно научный характер издания, сказавшийся и в бережном отношении к подлинному тексту автора и в весьма обстоятельном аппарате — содержательной вступительной статье и вполне удовлетворительных, в своем большинстве, комментариях.

Статья историко-географического и биографического характера «Гавриил Андреевич Сарычев» напоминает о замечательных русских географических экспедициях XVIII в., рисует обстановку, сложившуюся в последние десятилетия этого века на севере Тихого океана, и разъясняет причины, вызвавшие снаряжение туда новой правительственной экспедиции. Центральное место уделено, естественно, выдающейся роли в экспедиции Г. А. Сарычева, юного в то время лейтенанта, только что начавшего свою жизнь моряка. Все главные, далеко не простые и не легкие организаторские работы, все наиболее существенные наблюдения были исполнены Сарычевым, а отнюдь не малоудачным начальником экспедиции Биллингсом. Статья хорошо показывает облик Сарычева, талантливого мореплавателя и крупного ученого-океанографа, но обходит, к сожалению, молчанием его большие заслуги в области этнографии Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки.

Между тем Сарычев проявлял неизменный интерес к жизни и культуре населения, с которым ему приходилось встречаться в его больших странствованиях на северо-востоке. Помимо многочисленных попутных наблюдений над местными жителями, вошедших в маршрутные записи, Сарычев уделяет сплошные тексты сообщениям о якутах, чукчах (и азиатских эскимосах, которых до самого конца XIX в. не отделяли от береговых чукчей), тунгусах (и ламутах), юкагирах, камчадалах, алеу-тах. Все это вместе взятое обогатило науку ценными сведениями о расселении, численности, самоназваниях и культурных особенностях локальных групп отдельных народностей, о материальной культуре, промыслах, технике, домашней жизни, о семейных и общественных отношениях, обычаях, реальных народных знаниях и религиозных представлениях.

Пристальный и вдумчивый наблюдатель, Сарычев едва ли не первый из путешественников XVIII в. заинтересовался вопросом о прогрессивном влиянии русской народной культуры на чрезвычайно отсталое население крайнего северо-востока. Влияние это сказалось сильнее всего у тех групп, которые непосредственно соседствовали с русскими и постоянно общались с ними. Так, это замечено Сарычевым у юкагиров реки Ясашная, поселившихся в поисках защиты от межплеменных войн вблизи Верхне-Колымского острога. «Частое обращение юкагиров с здешними казаками, — пишет автор, — нечувствительно ввело между ними как обычай их, так и платье» (стр. 66). Аналогичное явление установлено им и у алеутов. Жители Уналашки, Унимака и других островов, часто соприкасавшиеся с русскими промышленниками, восприняли русский язык, отказались от некоторых архаических обычаев и вообще «стали гораздо просвещеннее» населения прочих, редко посещавшихся русскими островов (стр. 141, 216).

Особенно поразили Сарычева «великие перемены», происшедшие в жизни камчадалов (ительменов), сравнительно с прежним состоянием их, описанным С. П. Крашенинниковым. Исчезли старые суеверия, землянки сменились русскими избами, распространилось и русское платье (стр. 125—126).

Особого упоминания заслуживают очень интересные сообщения о различных элементах культуры совсем в то время не изученных чукчей, содержащиеся в описании путешествия Биллингса. В связи с этим нужно исправить одно указание Сарычева, не оговоренное в примечаниях. Сарычев жаловался в «Предупреждении» на «великие затруднения при составлении описания Биллингсова путешествия» и писал: «Капитан Биллингс и штурман Батаков в своих журналах хотя и описывают некоторые обряды, происходящие при празднествах чукчей, но так необстоятельно, что без рисунков, снятых тогда рисовальным мастером Ворониным, и его устного объяснения невозможно было бы понять». Замечание это несправедливо, так как, по

авторитетному свидетельству А. И. Андреева, журнал Биллингса, даже без рисунков, весьма ценен в этнографическом отношении¹.

Всегда достоверные и точные фактические сообщения Сарычева о населении проникнуты теплым сочувствием и вниманием к судьбам забытых людей далеких окраин.

Вступительная статья ограничилась лишь беглыми и общими упоминаниями об интересе Сарычева к местным народностям (стр. 11 и 13) и совершенно не показала вклада, внесенного экспедицией и в особенности Сарычевым в познание этих народностей. В результате не оценено в полной мере значение экспедиции в отечественной науке. А вместе с тем осталась неосвещенной весьма характерная для русских ученых-путешественников, и в частности для знаменитых военных мореплавателей XVIII—XIX вв., черта высокой гуманности. Всесторонний, независимо от личной специальности и научных задач экспедиции, и действительный интерес к запоздалым в развитии народам, исключительно доброжелательное отношение к ним, внимание к их нуждам и состоянию, призыв к улучшению их положения — были с давних пор подлинной традицией русских путешественников, резко отличавшей их от иностранных исследователей населения тех или иных колоний. Подавляющее большинство зарубежных сообщений о так называемых первобытных племенах проникнуто ярко выраженным шовинизмом, грубым высокомерием и презрением к «дикарям», сознанием расового превосходства над ними.

Стремление осветить лишь географическое значение экспедиции проявилось и в характере сравнительно обширных примечаний к авторскому тексту (стр. 295—311). В историко-географическом отношении они весьма обстоятельны и вызывают только несколько замечаний. Так, в примечании по поводу открытия Берингова пролива (к стр. 23) совершенно забыто историческое плавание у американских берегов Федорова и Гвоздева в августе 1732 г. В сообщении о лейтенанте Синде (к стр. 23) нужно было указать и годы плавания (1764—1766) и его географические открытия, а в сообщении о выдающемся участнике Второй Камчатской экспедиции Софроне Хитрове (к стр. 164) хотя бы упомянуть о его замечательном наследии — журнале. Вряд ли правильно именовать известного казачьего сотника Ивана Кобелева «исследователем Северо-Западной Америки» (стр. 299), а не Северо-Восточной Азии. Следовало бы также исправить ошибочные указания Сарычева, относящиеся к биологии тихоокеанских лососей (стр. 61), к оленьему корму (стр. 48 и др.), к разъяснению термина «сохагый» (стр. 66) и др.

Наиболее существенные замечания относятся к примечаниям этнографического характера, особенно касающимся социальных отношений и обычаев местных народностей. Ошибочно утверждение, что деление чукчей на оседлых морских охотников и кочевых тундровых оленеводов — результат «естественного разделения труда» (стр. 185): это как раз классический «живой» пример первичной формы общественного разделения труда и возникшего именно на этой основе обмена. Ничего не разъясняет читателю примечание о социальном строе чукчей, гласящее о существовании у них в XIX в. (почему в XIX в.? — М. С.) «родового строя в особой форме» (стр. 307). Комментатору следовало бы объяснить туманное замечание Сарычева о делении чукчей «на небольшие общества, состоящие из нескольких семей», и об отсутствии у них «особенных властей или начальников» (стр. 186) и указать, что, по его мнению, являлось первичной клеткой чукотского общества. Проще и яснее нужно было пояснить и «непобежденность» чукчей (там же), истолковав формулировку царского законодательства об их «не полной покорности».

Ошибочны и объяснения существовавшего у чукчей «убийства стариков» (стр. 307). Неправильен прежде всего сам модернизированный термин «убийство» взамен принятого наукой и соответствующего сущности явления названия «добровольная смерть». Смерть эта, по сообщениям всех — и старых и советских — исследователей чукчей, включительно до таких знатоков их, как И. С. Архинчев и Т. З. Семушкин, всегда была добровольной. Неверно и мнение, что морским зверобойным промыслом могла заниматься преимущественно молодежь, а люди пожилые выбывали преждевременно из строя. Автор примечания преувеличивает изнашиваемость охотников в результате промысла² и упускает из виду разделение труда в важнейшем байдарином промысле, сопровождавшееся широким участием не только пожилых, но и старых промышленников. Поводы к «добровольной смерти» лежали в общих условиях жизни населения, вызывались нуждой, болезнями, быть может, иногда и моральными страданиями и менее всего были связаны с религиозными представлениями, на которые, следуя за В. Г. Богоразом, ссылается примечание.

¹ А. И. Андреев, Материалы о Российско-Американской компании и ее деятелях (Рукописное отделение Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), «Известия Всесоюзного географического общества», 5, 1943.

² Мнение это справедливо лишь в отношении одного и как раз менее всего распространенного вида промысла — охоты на белого медведя на движущихся льдах. Исключительно трудный в прошлом промысел этот требовал от охотника особых качеств, занимались им далеко не все охотники, а практиковавшие его действительно быстро изнашивались физически.

Явное недоразумение вкралось в примечание, относящееся к населению Аляски (к стр. 180). Чугачи принадлежат отнюдь не к атабаскам (индейским) племенам, а к южной группе эскимосов. Живут они на берегах заливов Чугатского и Кенайского.

Следовало также разъяснить читателю хотя бы наиболее существенные ошибки в сообщениях Сарычева о различных социальных явлениях или элементах культуры у народов крайнего северо-востока. Одной из таких досадных ошибок является, например, характеристика нравов чукчей (стр. 188). Убийство детей не отмечено у них ни одним из исследователей и противоречит многочисленным сведениям о глубокой родительской любви. Неверно и указание о том, что чукчи отличаются от всех своих соседей «варварством и жестокостью нравов». Все так называемые малые народы севера находились в прошлом примерно на одинаковой ступени развития хозяйства, что и отражалось в присущей им идеологии — обычноеправовых нормах, религиозных представлениях и пр. Прекрасный ответ встречавшимся не только у Сарычева сообщениям о «дикости», «жестокости» кочевых чукчей (оленеводов) дал в свое время выдающийся отечественный мореплаватель и ученый Ф. П. Литке. Он писал: «Неоднократные дружеские посещения наших и других судов могли, конечно, произвести добрую перемену в их расположении. Но мне кажется, что они никогда не были столь беспокойным народом, как их описывали. Они были немирные, покуда с ними обращались дурно; с переменой обращения и они переменились. Однажды вкоренившееся мнение не скоро может истребиться: на Колыме их о сию пору боятся как нелюдей; между тем как небольшая артель русских без всякого опасения живет на Анадыре совершенно в руках у чукок. Все это я разумею об оленных, которых и здесь около нас было довольно; оседлые же всегда слыли тихими»³.

Требовали разъяснения и другие неправильные мнения Сарычева: наивные объяснения кочевого образа жизни (стр. 49) и отказа якутов от крещения (стр. 42), ошибочное утверждение об уменьшении численности чукчей (стр. 265) или о том, что оседлая часть чукчей являлась в прошлом тоже оленеводами (стр. 185). Следовало бы отметить и другие недоразумения: смешение обычной якутской одежды «сон» с замечательным праздничным костюмом «сангях» — «санаях» у Сарычева (стр. 42), неверное описание байдары (примеч. на стр. 38) и пр.

Отсутствие в вводной статье этнографической оценки трудов Сарычева, недостаточность и ошибочность таких же комментариев снижают ценность переиздания, которое, конечно, заинтересует широкий круг читателей, в том числе и учащуюся молодежь.

В заключение несколько замечаний о текстах. Оба труда Сарычева переизданы почти полностью, не подвергшись сокращениям, неудачно практиковавшимся одно время Географическим издательством. Вполне закономерно исключены, по нашему некомпетентному мнению, метеорологические данные, составляющие два приложения к путешествию Биллингса («Перечень из дневных записок...» и «Выписка из журнала, веденного в Верхне-Колымском остроге»). Менее оправдано изъятие третьего приложения к тому же путешествию — «Краткого словаря разных народов, обитающих в северо-восточной части Сибири и на Алеутских островах» (стр. 91—129, изд. 1811 г.), а также составленной Сарычевым «Табели Алеутским островам...» (стр. 174, изд. 1802 г.). «Словарь» представляет заведомую ценность для языковедов и этнографов, а «Табель» приводит ценные сведения о населенных пунктах, их местоположении, о параллельных (русских и местных) названиях и о численности жителей Лисьих и Андреяновских островов. По непонятным причинам сокращены титульные названия обоих трудов Сарычева, характерные для публикаций конца XVIII — начала XIX в., содержащие официальное название экспедиции и указание о сроке и хронологических датах ее деятельности. В тексте принята современная орфография, но все же встречается такая архаическая транскрипция, как «корюха» — вместо «корюшка», «юагири, юагаири» вместо «юагиры, юагаиров», «Соловарка» вместо «Солеварка» и т. д.

Хороши многочисленные иллюстрации из Атласа путешествия Сарычева, изображающие быт местного населения и старинные русские остроги и селения. Отсутствуют, однако, все три, весьма интересные, гравюры из биллингсовского путешествия, рисующие празднества, оленную езду и типы кочевых чукчей, в том числе молодого чуку в военных доспехах (стр. 66 изд. 1811 г.). Это, принадлежащее Луке Воронину, уникальное изображение чукотского воина в латах опубликовано впервые отнюдь не в книге В. А. Самойлова, как полагает комментатор (стр. 310), а именно в сарычевском описании похода Биллингса.

Нужно также пожалеть о полном отсутствии в солидном и хорошо исполненном переиздании каких-либо библиографических указаний на литературу, относящуюся к экспедиции и самому Сарычеву.

М. А. Сергеев

³ Путешествие вокруг света, совершенное... Федором Литке, Отделение историческое, часть II, СПб., 1835, стр. 144.